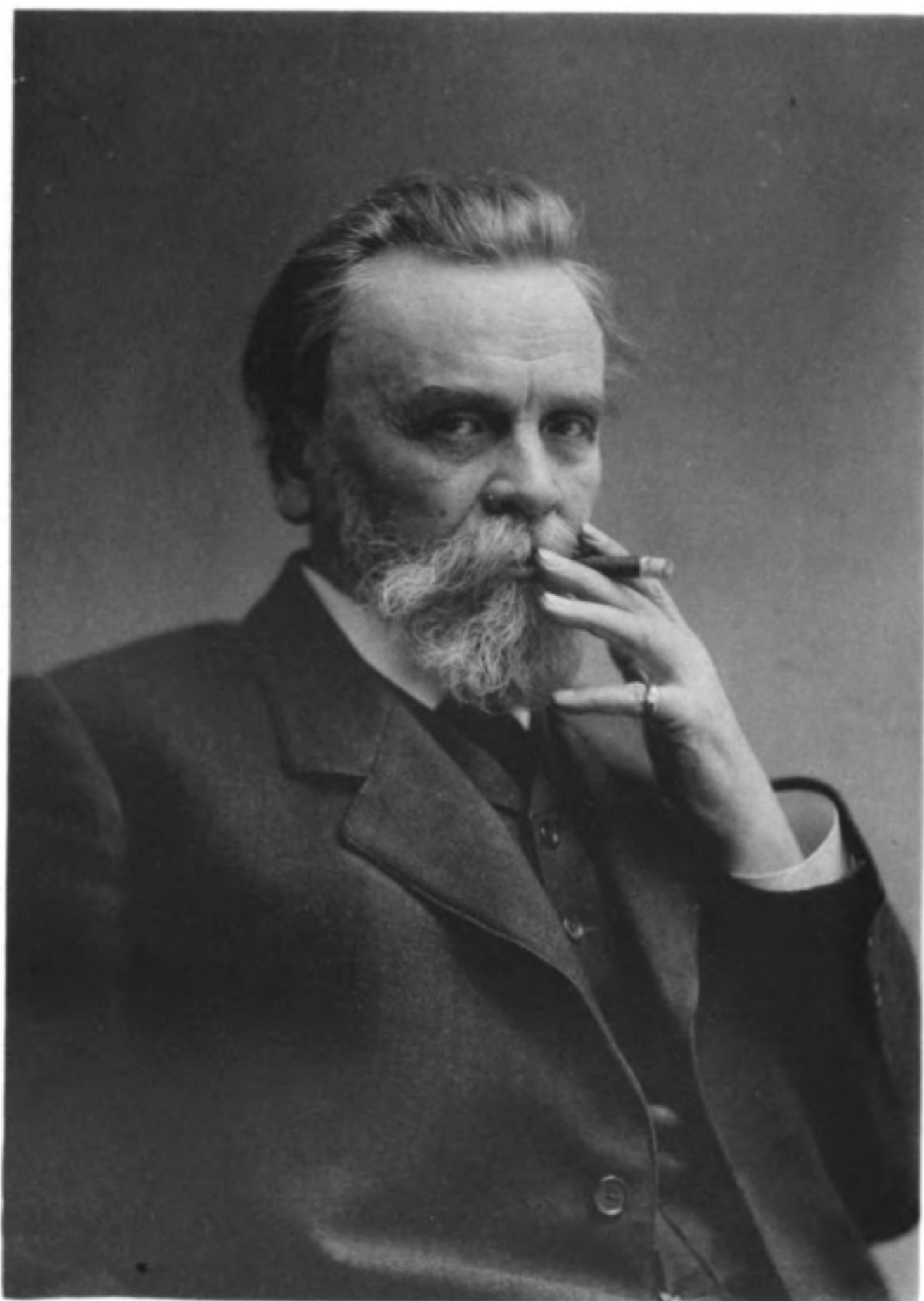

И. Е. Цвѣтковъ.

(Основатель Цвѣтковой картинной галереи въ Москвѣ).

Въ апрѣлѣ 1845 года у бѣднаго священника Симбирской губерніи Алатырскаго уѣзда, у отца Евменія Цвѣткова, родился сынъ Иванъ, какихъ въ русской землѣ каждый день, можно сказать, каждый часъ, рождаются цѣлыя тысячи, но этому Ивану, не заурядъ съ прочими, судьба опредѣлила пройти свой земной путь отнюдь не мало замѣтно, какъ многимъ изъ его собратій, а напротивъ и оказать великую услугу русскому народу и его старой столицѣ Москвѣ, къ которой новорожденный Иванъ Цвѣтковъ при томъ никакого личнаго отношенія не имѣлъ. Просты и понятны всякія услуги родинѣ со стороны милліонеровъ: вспомнимъ милліардеровъ Америки, какое количество учебныхъ, ученыхъ и благотворительныхъ заведеній воздвигается тамъ на счетъ людей, вродѣ Кернеджи, Рокфеллера, Гульда и другихъ, нажившихъ своей спекулятивною дѣятельностью милліоны, а еще болѣе получившихъ ихъ наслѣдственно, а затѣмъ самымъ благороднымъ образомъ, въ видѣ удовлетворенія тѣхъ или иныхъ общественныхъ нуждъ, возвращающихъ ихъ въ свое отечество и родной городъ, а часто даже и въ отдаленныя страны. Какъ извѣстно, американскія пожертвованія проникаютъ далеко за предѣлы своей страны и даже къ намъ русскимъ. Такія пожертвованія и одолженія въполнѣ понятны, удобны и сравнительно легки; человекъ возвращаетъ людямъ въ видѣ добрыхъ дѣлъ то, чѣмъ самъ дальше, при своемъ преклонномъ возрастѣ, воспользоваться не можетъ. Какихъ бы милліонныхъ размѣровъ эти дары ни достигали, какъ ни почтенны и ни достойны всякія пожертвованія подобныхъ филантроповъ, нельзя все-таки

Иванъ Евменъевичъ
Цвѣтковъ.

сказать, что въ основѣ ихъ добрыхъ дѣяній не лежитъ мысль, выраженная нашей мѣткой русской поговоркой: „Бери, Боже, что намъ не гоже“, такъ какъ богачъ миллионеръ отдаетъ подобнымъ образомъ состояніе, когда самъ собирается скоро умирать. Совсѣмъ не то имѣетъ мѣсто относительно тѣхъ пожертвованій и услугъ на общее благо Ивана Евменіевича Цвѣткова, о которомъ въ данномъ случаѣ мы хотимъ рассказать.

Обратно съ американскими образцами, здѣсь на лицо выступаетъ бѣднякъ, сынъ бѣдняка, матеріальныя средства котораго составились постепенно, чуть не копейками, въ теченіе продолжительной трудовой жизни и выраженной имъ лично энергіей, и собираемая понемногу эти, относительно незначительныя, деньги, тратились разумно на предметъ широкой общественной пользы. Человѣкъ своимъ прилежаніемъ и упорнымъ трудомъ, получая значительный заработокъ, могъ бы его, какъ всѣ, тратить на удовлетвореніе своихъ личныхъ прихотей, на требованія комфорта, жизненныхъ удобствъ и обогащеніе своихъ родственниковъ. Нѣтъ, въ данномъ примѣрѣ мы видимъ совсѣмъ другое. Поставивши себѣ цѣлью принести свою долю общественной пользы получаемыми средствами, Цвѣтковъ съ самоотверженіемъ затрачивалъ ихъ, большую часть своей жизни, на предметы своего вкуса и поклоненія, на поощреніе русскаго искусства. Въ результатѣ онъ оставляетъ городу, гдѣ провелъ большую часть своей жизни, въ высшей степени оригинальный и богатый художественный музей, которымъ будутъ пользоваться и двигать искусство, навѣрное, многія тысячи любителей его и цѣлый рядъ будущихъ поколѣній.

Передадимъ въ сжатомъ видѣ, какъ исторію этого замѣчательнаго учрежденія, такъ и его основателя, пользуясь одинаково, какъ моимъ личнымъ знакомствомъ и даже пріязнью къ почтенному Ивану Евменіевичу, такъ и получивши отъ него, въ отвѣтъ на нашу просьбу, многіе фактическія данныя и матеріалы. Но, чтобы повяты все значеніе великаго подвига Ивана Евменіевича, необходимо знать близко какъ его самого, такъ и его жизнь и всю исторію самаго пожертвованія. Начнемъ съ его біографіи.

Трудно себѣ представить ту тяжелую и нелѣпую систему образованія, которую пришлось перенести въ раннемъ дѣтствѣ Ивану Евменіевичу. Первые начатки образованія онъ получилъ дома, но какой дорогой цѣной оно было пріобрѣтено!? Три года, на примѣръ, онъ сидѣлъ надъ азбукой, цѣлый годъ надъ чтеніемъ славянскаго часослова и два года надъ чтеніемъ псалтиря, итого шесть лѣтъ потрачено было домашняго образованія, что при болѣе правильной постановкѣ, навѣрное, было бы возможно пріобрѣсть втрое скорѣе

при самыхъ посредственныхъ способностяхъ ребенка. Дальше, съ одиннадцати лѣтъ начинается его школьное образование и на первомъ мѣстѣ стоитъ точно также цѣлыхъ шесть лѣтъ тяжкаго, въ значительной степени безсмысленнаго обученія, какое имѣло у насъ недавно мѣсто въ духовныхъ училищахъ. Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя постановка обученія была въ высшей степени жалка и несовершенна. Алатырское Духовное Училище, гдѣ онъ провелъ шесть лѣтъ своей жизни, было въ самомъ убогомъ состояніи, какъ въ смыслѣ приемовъ школьнаго обученія, такъ и учителей. Тѣснота помѣщенія при этомъ была невѣроятная. Отдѣленіе училища, гдѣ было ровно сто учениковъ, помѣщалось, на примѣръ, въ одной комнатѣ о трехъ окнахъ, и на cadaго ученика приходилось менѣ одной трети кубической сажени воздуха. Грязь въ помѣщеніи превосходитъ всякое описаніе. Полы, на примѣръ, въ духовномъ училищѣ никогда не мылись, а мылись лишь разъ въ недѣлю. Учителя были бѣдны и невѣжественны, лѣнны и бездушны и едва-ли кто-либо изъ нихъ думалъ объ интересахъ мальчиковъ, попавшихъ въ ихъ руки. Они, аккуратно являясь въ классъ, брали учебникъ, чтобы по немъ отмѣтить то, что по очереди приходилось до слѣдующаго урока, и объясняли очень поверхностно, а иногда нелѣпо самый урокъ. Система контроля успѣшности обученія состояла въ назначеніи такъ называемыхъ аудиторомъ изъ болѣе успѣшныхъ учениковъ, которые должны были слѣдить и экзаменовать нѣсколькихъ товарищей. Черезъ посредство ихъ отмѣтокъ учитель слѣдилъ за занятіями учениковъ и неуспѣшныхъ предавалъ наказанію такъ называемыхъ „сѣкуторовъ“, т. е. великовозрастныхъ учениковъ изъ любителей, которые спеціально занимались, по порученію учителя, поркой и сѣченіемъ розгами своихъ неуспѣшныхъ товарищей. Иногда большая часть двухчасоваго урока проходила не въ занятіяхъ науками, а въ сѣченіи. Нечего останавливаться на томъ, какъ эта система развращающе дѣйствовала на дѣтей!! Приходилось буквально подкупать и умасливать всѣхъ этихъ сѣкуторовъ и аудиторомъ, чтобы избѣгать наказаній и попасть на хорошій счетъ къ учителю.

Во время пребыванія въ духовномъ училищѣ, жить ученикамъ приходилось въ наемныхъ квартирахъ, опять-таки при страшно стѣснительныхъ и вредныхъ условіяхъ. Иванъ Евменіевичъ приводитъ описаніе одной подобной квартиры при Алатырскомъ училищѣ. Оказывалось, что въ ней, въ двухъ крестьянскихъ избахъ по 12 квадратныхъ сажень, помѣщалось 34 ученика. Эта масса дѣтей спала на палаткахъ, на печи, на лавкахъ и прямо на полу подрядъ. Кроватей ни у кого не было, подстилали подъ себя или войлокъ,

или верхнее платье. Подушки были далеко не у всѣхъ, а о простыняхъ и говорить нечего; о нихъ семинаристы также мало имѣли понятія, какъ и крестьяне. Никакой вентиляціи, конечно, въ этомъ жилищѣ, какъ и въ самомъ училищѣ, не было, а потому воздухъ былъ тяжелый; лица учениковъ, особенно старшихъ, блѣдны, безкровны, какія-то сѣрыя, какъ у арестантовъ. Пропитаніе было скудное, мясо и солонина подавались только по воскресеньямъ и по праздничнымъ днямъ. Вся квартира и училищная обстановка производила на бѣдныхъ ребятъ подавляющее, отвратительное впечатлѣніе. „Не красна была моя жизнь“, пишетъ мнѣ Иванъ Евменіевичъ, „въ теченіе 6-ти лѣтняго сидѣнія моего за церковно-славянскими книгами въ родительскомъ домѣ, но училищная жизнь была еще хуже. Она была тяжелѣе жизни каторжника. Высокомѣріе и наглость аудиторовъ меня возмущали. Такъ какъ я ничего не дѣлалъ, чтобы снискать ихъ снисхожденіе, поэтому мнѣ ставили скверныя отмѣтки и производили жестокія сѣкуціи. Тѣлесныя наказанія повторялись иногда, даже страшно сказать, по нѣскольку разъ въ день“... Къ счастью нашлись добрые люди, которые вмѣшались въ тяжелое положеніе бѣднаго мальчика: со второго года ему сдѣлалось лучше, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно улучшились и успѣхи обученія. Но и при этой тяжелой обстановкѣ обученія, сказались способности и характеръ мальчика. Постепенно онъ приоровился къ жестокимъ порядкамъ и сталъ учиться хорошо. Подружившись съ книгой, онъ началъ быстро развиваться. Чтеніе разныхъ исторій и рассказываніе ихъ развивали память и умѣніе выражать мысль. „Постоянная напряженная заботливость о приложеніи грамматическихъ правилъ къ дѣлу при переводахъ съ русскаго языка на латинскій, развили во мнѣ нѣкоторую сообразительность“, пишетъ онъ, „то же самое вліяніе производили рѣшенія ариѳметическихъ задачъ“... Скоро, не смотря на всѣ описанныя тяжкія условія, Цвѣтковъ сдѣлался лучшимъ ученикомъ и въ высшемъ отдѣленіи даже первымъ, такъ что, не въ примѣръ прочимъ, дозволялись ему нѣкоторыя льготы и освободили отъ платы за содержаніе.

Въ 1862 году, на короткое, впрочемъ, время (одинъ годъ), Цвѣтковъ поступилъ въ Симбирскую духовную семинарію. Крайняя бѣдность продолжалась по-прежнему и пропитаніе, такъ же какъ и помѣщеніе, были самыя скудныя и неудовлетворительныя, но развившійся уже мальчикъ успѣлъ настолько установиться, что сплошь отличался своими успѣхами въ обученіи и былъ, какъ выражается онъ, „идеальнымъ семинаристомъ“. Лекціи посѣщалъ безъ пропусковъ, слушалъ ихъ внимательно, сочинялъ задаваемые упражненія

по-славянски и риторикѣ на періоды „хриі превращенныя, простыя, разсужденія всѣхъ сортовъ“, а въ остальное свободное время читалъ сочиненія Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковскаго и проч., которыхъ только можно было доставать въ общественной библіотекѣ; времени даромъ не тратилъ, и въ концѣ 1862 года, послѣ полугодоваго экзамена, Цвѣтковъ былъ поставленъ въ общемъ спискѣ семинаристовъ, поступившихъ изъ трехъ конкурирующихъ училищъ, первымъ ученикомъ, или какъ тогда говорили, „цензоромъ“.

Къ этому времени относится начало большого умственнаго развитія его. У Цвѣткова проснулась вполне опредѣленная склонность къ математикѣ, въ которой онъ и началъ оказывать особенные успѣхи и прилежаніе. Этому стремленію способствовали нѣкоторые хорошіе преподаватели математики изъ молодыхъ учителей. Къ этому времени относятся также первая попытка Цвѣткова къ самостоятельному мышленію въ области сочинительства, а именно преподаватель риторики и поэзіи рекомендовалъ своимъ слушателямъ самимъ избрать тему по своему вкусу и писать сочиненія по манерѣ свѣтскихъ писателей. Молодой авторъ воспользовался этимъ и написалъ сочиненіе изъ мѣстной жизни мѣстнаго же духовенства: оно имѣло темой случай хорошо всѣмъ извѣстный и тѣмъ произвело большой эффектъ. Сочиненіе Цвѣткова было объявлено образцовымъ и, какъ таковое, читалось въ классѣ.

Большое развитіе юноши, въ это время уже порядочно познакомившагося со всѣми главнѣйшими писателями и журналистами, вызвало у него новые запросы — бросить семинарію и перейти въ шестой классъ гимназіи для ближайшей подготовки къ университету, гдѣ онъ мечталъ поступить на математическій факультетъ.

Съ рѣшительностью и твердостью воли, которыя отличали Цвѣткова всю жизнь, онъ началъ стремиться къ выполненію своего намѣренія, какъ оказалось, весьма нелегкаго. Изъ сравненія программъ семинаріи и гимназіи Цвѣтковъ узналъ, что многоаго, какъ напримѣръ, нѣмецкаго языка, нѣкоторыхъ естественныхъ наукъ и т. д. онъ совсѣмъ не зналъ, а другое зналъ очень неудовлелорительно. И вотъ за одно лѣто 1864 года онъ успѣлъ подготовиться по совершенно незнакому нѣмецкому языку и изъ другихъ предметовъ.

Какъ разъ въ это время, когда предстоялъ Цвѣткову экзаменъ, начался знаменитый Симбирскій пожаръ 1864 года, когда въ нѣсколько дней погибла большая часть этого города и въ томъ числѣ всѣ болѣе замѣчательныя зданія, включая гимназію и семинарію

На этомъ же пожарѣ сгорѣла значительная часть и того небольшого имущества, которое было въ распоряженіи Ивана Евменіевича, онъ, занимаясь помощью погорѣльцамъ, и спасая имущество другихъ отъ пожара, потерялъ что имѣлъ, и съ большимъ трудомъ былъ допущенъ къ экзамену и принятъ въ гимназію, когда она, въ половинѣ октября 1864 года, открылась, наконецъ, въ наемномъ для этого помѣщеніи. Первый годъ прошелъ въ большой борьбѣ съ нуждой и лишь второй, въ седьмомъ классѣ гимназіи, Цвѣтковъ успѣлъ устроиться, стать на ноги, найти подходящіе уроки, но успѣхъ въ этомъ отношеніи скоро столкнулся съ великой неприємностью, ссорой съ однимъ изъ учителей, которая повела, благодаря произволу начальства, мало обоснованному, повидимому, къ исключенію Ивана Евменіевича, что бываетъ очень рѣдко,—изъ седьмого класса гимназіи. Это крупное несчастье повело за собой горячку и сдѣлало совершенный переполохъ въ гимназіи. Онъ пролежалъ нѣсколько недѣль въ больницѣ, такъ что директоръ первый выразилъ по этому поводу сожалѣніе, употребилъ средство къ принятію его назадъ въ гимназію и далъ ему возможность кончить въ ней благополучно, съ правомъ поступленія въ университетъ. Единственно, чего онъ лишился въ это время,—это медали, которой заслуживалъ по своимъ успѣхамъ; а далѣе это привело къ тремъ потеряннымъ годамъ его обученія.

„Не бывать бы счастьемъ, да несчастье помогло“, говоритъ половица. Несправедливо лишенный медали, И. Е. Цвѣтковъ естественно являлся за свои успѣхи, которые онъ самъ хорошо сознавалъ, ближайшимъ кандидатомъ на всякое другое отличіе въ гимназіи. Министерство финансовъ какъ разъ въ это время предложило конкурсъ на полученіе спеціальной отъ него стипендіи въ Технологическомъ институтѣ. И. Е. заявился съ своей стороны конкурентомъ, и стипендія (къ сожалѣнію, маленькая—20 руб.) осталась за нимъ. Хорошо окончивши курсъ гимназіи и заручившись деньгами на урокахъ, Цвѣтковъ отправился въ первый разъ въ жизни въ Петербургъ, который, конечно, поразилъ его своими постройками, роскошью и удручающе подѣйствовалъ своимъ климатомъ. Маленькой стипендіи не хватало на сколько-нибудь приличное существованіе: приходилось стѣсняться въ каждомъ сѣденномъ кускѣ хлѣба, а главное, вмѣсто квартиры, жить въ какой-нибудь трущобѣ, быстро надрывая силы и здоровье.

Мало-по-малу неудовлетворительная обстановка и питаніе, вмѣстѣ съ дурнымъ климатомъ и чрезмѣрнымъ трудомъ, при бѣготнѣ на грошевые уроки, дѣлали свое дѣло, разстраивая сильное здоровье молодого человѣка. У него начала болѣть грудь, появился кашель,

сухой и тяжелый, онъ сталъ быстро худѣть, и показались, увы! подозрительныя отдѣленія, вмѣстѣ съ кашлемъ, крови....

Бѣда заставила обратиться за серьезной медицинской помощью: онъ отправился къ знаменитому проф. С. П. Боткину, который, спасибо ему, сказалъ чистую правду, что хотя отъ природы Иванъ Евменіевичъ человекъ-де крѣпкій и долженъ бы жить долго, но по условіямъ своей жизни въ Петербургскомъ болотѣ оставаться здѣсь ему опасно; надо уѣхать въ степь на кумысь, тамъ онъ можетъ поправиться и прожить еще, можетъ быть, много лѣтъ.

Къ счастью, онъ внялъ совѣту мудраго эскулапа, черезъ нѣкоторое время отправился на кумысь, выдержалъ полный курсъ леченія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и чрезвычайно поправился во всѣхъ отношеніяхъ. Въ результатѣ онъ получилъ покойное настроеніе духа, значительное увеличеніе вѣса тѣла и главнѣйшее—исчезновеніе всякой боли въ груди. Совершилось чудо: исцѣленіе больного, хотя нѣкоторое уплотненіе верхушекъ одного легкаго осталось надолго, какъ память о тяжелой болѣзни.

Весь текущій за тѣмъ годъ онъ провелъ на богатыхъ урокахъ у князя Гагарина при самой лучшей гигиенической обстановкѣ зажиточныхъ людей. Въ результатѣ, къ августу 1868 года, значительно поправивши здоровье и накопивши деньжонокъ на прожитые, Цвѣтковъ поступилъ въ Казанскій университетъ на математическій факультетъ; онъ съ пользой провелъ тамъ цѣлый годъ, привыкая къ научнымъ занятіямъ и испытывая по временамъ даже наслажденіе, дѣлая экскурси на чужіе факультеты и слушая, на примѣръ, логику и химию. Быстро прошелъ учебный годъ, и хотя Казанью онъ не былъ недоволенъ, но тѣмъ не менѣе предпочелъ лучшій университетъ и перешелъ въ Москву, гдѣ поступилъ на математическій факультетъ, который былъ тогда въ блестящемъ состояніи.

И. Е. Цвѣтковъ попалъ на Московскій математическій факультетъ въ счастливое время, такъ какъ тогда кафедры были заняты не только хорошими профессороми (какъ Давыдовъ, Бугаевъ и Цингеръ), но даже отчасти блестящими (какъ Ф. А. Бредихинъ и Н. Э. Лясковскій). Они доставляли своимъ слушателямъ не только необходимые свѣдѣнія по своей специальности, но, что гораздо дороже, вселяли въ молодые умы интересъ къ изученію преподаваемаго предмета, который заставлялъ ихъ учениковъ стремиться къ дальнѣйшему самостоятельному усвоенію предмета и работѣ въ его области. Въ то же самое время направленіе студентовъ тогда было исключительно академическое, трудовое, удобное для занятій, и въ общемъ Цвѣтковъ своихъ московскихъ товарищей ставитъ гораздо

выше казанскихъ. Люди несерьезные, шалопаи по свидѣтельству И. Е. Цвѣткова, въ Москвѣ въ его время не только не уважались и не считались даровитыми, какъ это бывало въ Казани, но возбуждали въ товарищахъ сожалѣніе, и отъ нихъ сторонились. Вообще учебная среда, въ которой пришлось жить и развиваться молодому Цвѣткову, — тогдашніе студенты-математики, — отличались сравнительно высокими достоинствами: какъ онъ самъ картинно и мѣтко выражается въ своихъ воспоминаніяхъ (для насъ сдѣлавшихся доступными), его товарищи-студенты жили тогда только интересами избранной специальности и работали усердно „не за страхъ, а за совесть“.

Въ теченіе пребыванія Цвѣткова въ Московскомъ университетѣ, онъ содержалъ себя на средства, получаемыя отъ уроковъ. Конечно, его заработки не были постоянны, но въ общемъ достаточно удовлетворительны. Въ это же время онъ имѣлъ счастье въ семействѣ своего стараго знакомаго князя Гагарина попасть въ Швейцарію, гдѣ и провелъ пріятнѣйшимъ образомъ время въ Женевѣ. Тамъ ему платили очень хорошо, но еще лучше платили, тамъ же, у астраханскаго рыбопромышленника Сапожникова, гдѣ онъ также давалъ уроки троицъ его дѣтямъ. Онъ такъ много заработалъ въ этомъ прекрасномъ городѣ Швейцаріи, что въ результатѣ привезъ съ собою въ Россію болѣе двухсотъ рублей золотомъ. Но добывая деньги легко, какъ никогда, наслаждаясь природой въ Швейцаріи и запасаясь здоровьемъ, онъ имѣлъ рѣдкій случай дорогой, можетъ быть первый разъ съ роду, обратить серьезное вниманіе и на произведенія искусства въ Берлинѣ и Вѣнѣ, гдѣ посѣщалъ картинныя галлерей. Можетъ быть, первая мысль о служеніи искусству, которому посвятилъ онъ столько времени и средствъ его жизни, зародилась въ его душѣ именно тамъ, при созерцаніи старѣйшихъ представителей живописи и ваянія. По крайней мѣрѣ, онъ самъ сознается въ своихъ воспоминаніяхъ: хотя первыя впечатлѣнія, конечно, и были мимолетны, но многія картины оставили сильный слѣдъ въ его памяти.

Въ слѣдующемъ, 1873 году, окончилось его ученіе, и онъ сдалъ свой послѣдній экзаменъ въ университетѣ. Его кандидатская диссертация очень заинтересовала такихъ достойнѣйшихъ профессоровъ, какъ Н. В. Бугаевъ и А. Ю. Давыдовъ. Они предлагали ему даже остаться при университетѣ, но послѣ нѣкотораго размышленія, хотя и польщенный предложеніемъ, онъ принять его не рѣшился и съ благодарностью отклонилъ.

Но что дѣлать, какую профессію избрать?! Учительство въ гимназій его отнюдь не прельщало, и онъ отъ него отказался разъ на

всегда. Въ это время какъ разъ начали у насъ въ Россіи развиваться и расти быстро, какъ грибы, акціонерныя компаніи земельныхъ банковъ, которымъ тогдашніе публицисты и экономисты придавали огромное, преувеличенное значеніе. Газеты и журналы сплошь и рядомъ твердили, что, доставляя оскудѣвшимъ землевладѣльцамъ недорогой и широкой кредитъ, банки эти, предполагалось, обогатятъ одинаково капиталистовъ и помѣщиковъ и едва-ли не уничтожатъ всероссійское оскудѣніе. За два лишь года 1872 и 1873, было основано 11 акціонерныхъ банковъ и въ томъ числѣ Московскій Земельный Банкъ съ главнымъ инициаторомъ его и первымъ предсѣдателемъ Правленія—княземъ В. А. Черкасскимъ, извѣстнѣйшимъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелемъ.

И вотъ, у молодого Цвѣткова явилась подъ вліяніемъ чтенія всѣхъ отзывовъ о земельныхъ банкахъ и ихъ блестящемъ будущемъ, честолюбивая мысль проникнуть во вновь устроенный Московскій Земельный Банкъ, чтобы принести свою долю пользы Россіи въ дѣлѣ развитія столь важнаго земельного кредита. Не имѣя ни души важныхъ знакомствъ и нужныхъ рекомендацій, Цвѣтковъ смѣло съ улицы позвонилъ у подъѣзда квартиры кн. Черкаскаго. Къ счастью одинаково для смѣлаго юноши, какъ и банка, князь принялъ неизвѣстнаго ему молодого человѣка, цѣлый часъ пыталъ его длиннымъ испытующимъ разговоромъ и вопросами и допустилъ И. Е. на службу въ банкъ, но на первый разъ только на испытаніе и безъ жалованья. 1-го января 1874 года онъ началъ работать въ банкѣ, дѣлая все, что отъ него требовали, никакой работой не гнушаясь и просиживая цѣлый день въ банкѣ. Весьма скоро, оцѣнивши его труды, ему назначили матеріальное вознагражденіе, которое росло настолько быстро, что черезъ годъ онъ уже могъ совершенно ликвидировать старую педагогическую дѣятельность въ формѣ даванія уроковъ и всецѣло посвятить себя банку.

Около двухъ лѣтъ онъ пробылъ бухгалтеромъ, затѣмъ нашелъ свое настоящее призваніе въ качествѣ агента по оцѣнкѣ имуществъ, представляемыхъ въ залогъ банку. Началась разъѣздная жизнь съ ранней весны до поздней осени въ предѣлахъ 19 центральныхъ губерній; обширныя знанія, прибрѣтенныя имъ при оцѣнкахъ съ самой щепетильной добросовѣстностью въ соблюденіи интересовъ банка, доставили Цвѣткову въ поземельно-кредитныхъ сферахъ самую широкую извѣстность и лестную рекомендацію. Въ 1890 году онъ началъ служить по выборамъ Общаго Собранія акціонеровъ банка, въ званіи члена Оцѣночной Комиссіи банка, и съ тѣхъ поръ въ теченіе девятнадцати лѣтъ онъ исполняетъ эту обязанность, вызывая неоднократно благодарность со стороны акціонеровъ и на-

граду за свою полезную дѣятельность. Въ 1895 году онъ былъ избранъ председателемъ этой самой Оцѣночной Комиссiи и въ 1909 году получилъ отъ общаго собранiя акціонеровъ банка единоголосную благодарность за свою тридцати-пятилѣтнюю дѣятельность на пользу банка.

Столь успѣшная, лишь кратко намѣченная нами служба въ Московскомъ Земельномъ Банкѣ создала И. Е. Цвѣткову не только хорошее матеріальное обезпеченіе и независимость, но по распространенному масштабу, можно сказать, богатство. Какъ же онъ поступалъ съ этимъ богатствомъ? Что дѣлалъ съ своимъ новымъ достаткомъ этотъ человекъ, такъ страдавшій первую половину своей жизни отъ бѣдности и видѣвшій еще долго своихъ близкихъ и дорогихъ людей въ когтяхъ злой нужды?!...

По ходячему масштабу и обычной вѣроятности такой человекъ, помогая, разумѣется, нѣсколько своимъ родственникамъ, долженъ былъ бы думать лишь объ одномъ—растить и увеличивать притокъ денегъ, эту достойную награду за свои тяжкіе подчасъ труды и результатъ своихъ личныхъ способностей и дарованій. Затѣмъ, увеличивая при такой системѣ свою матеріальную состоятельность быстро и вѣрно, сталъ бы, можетъ быть, удовлетворять какимъ-либо суетнымъ проявленіямъ, напимѣръ, честолюбія... и сладко ѣсть и пить... Таковъ обычный рецептъ огромнаго большинства людей въ положеніи Цвѣткова, быстро пріобрѣтшихъ матеріальную состоятельность и не имѣющихъ опредѣленнаго плана (и побужденій для того), какъ распорядиться своими матеріальными средствами, особенно когда такой человекъ холостой и не имѣетъ исходящихъ наслѣдниковъ. И. Е. Цвѣтковъ не былъ въ данномъ смыслѣ обыкновеннымъ человекомъ: онъ недаромъ позналъ тяжесть нужды и, сознавая, въ благодарность судьбѣ за свои матеріальные успѣхи, нравственную обязанность принести свою посильную помощь, чтобы бороться съ бѣдностью и ея главнымъ проявленіемъ—человѣческимъ невѣжествомъ, онъ рѣшилъ принести цѣнный даръ въ сферѣ искусства и образованія,—собрать обширную коллекцію представителей преимущественно русскаго родного творчества и отплатить этимъ благодарнымъ способомъ своей родинѣ за собственный успѣхъ и удачу жизни...

Само собой разумѣется, Римъ выстроенъ не въ одинъ день, какъ говоритъ извѣстная поговорка, и конечно вышеописанное рѣшеніе И. Е. распорядиться своимъ достаткомъ такъ или иначе образовалось постепенно подъ вліяніемъ разныхъ событій, размышленій и благопріятныхъ условій жизни. Любовь и поклоненіе И. Е. искусству явилось лишь постепенно и довольно поздно. Еще на

второмъ курсѣ Университета онъ попалъ случайно въ Голицынскій Музей въ Москвѣ, который впервые пробудилъ въ немъ художественный инстинктъ, существованіе котораго въ себѣ онъ и не подозрѣвалъ. Содержаніе и изученіе картинъ доставило ему новое невѣдомое наслажденіе и новый интересъ къ жизни. За Голицынскимъ Музеемъ послѣдовало частое посѣщеніе и штудированіе Румянцевскаго Музея и другихъ многочисленныхъ собраний и выставокъ картинъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Приобрѣтеніе чтеніемъ знакомства съ жизнью и дѣятельностью художниковъ являлось къ этому хорошимъ пособіемъ и помощью. Съ девятинадесяти годовъ прошлаго вѣка уже сложилась у него вполне такая осмысленная страсть и потребность къ художественнымъ наслажденіямъ и занятіямъ, что онъ началъ ежегодно и регулярно ѣздить въ Петербургъ на многіе дни ради художественныхъ обзоровъ въ Эрмитажѣ и другихъ тамошнихъ собраний, преимущественно старыхъ художниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Собственно приобрѣтать картины И. Е. началъ съ 1881 года, т. е. черезъ десять лѣтъ послѣ своего перваго знакомства съ картинами въ Голицынскомъ Музее. Само собой, въ новой страсти произошло въ теченіе его жизни нѣсколько перемѣнъ. Сначала онъ приобрѣталъ всѣ хорошія картины иностранныхъ и русскихъ мастеровъ, которыя нравились и продавались относительно недорого. Затѣмъ въ восьмидесятихъ годахъ его вниманіе совершенно случайно одной удачной покупкой остановилось почти на исключительномъ приобрѣтеніи рисунковъ. Въ то время рисунками никто не интересовался, ихъ не собирали и не сохраняли, и ему пришла счастливая мысль заняться ихъ собраніемъ и составить особую коллекцію рисунковъ, сдѣланныхъ русскими художниками. Рисунки въ дѣлѣ живописи имѣютъ такое же большое значеніе, какъ черновые планы и наброски ученыхъ или литературныхъ произведеній, напримѣръ у беллетристовъ. Безъ предварительнаго плана мудрено, кромѣ развѣ исключительно талантливыхъ натуръ, создать что-нибудь солидное и заслуживающее вниманія. Какъ романистъ, напримѣръ по совѣту Гоголя, нѣсколько разъ разсматриваетъ свое произведеніе, отдѣлываетъ и измѣняетъ, прежде чѣмъ возводитъ его, такъ сказать, въ перлъ созданія, такъ поступаетъ и авторъ всякой большой картины; онъ нѣсколько разъ, можетъ быть, мѣняетъ отдѣльныя фигуры и детали, прежде чѣмъ окончательно остановится на извѣстной формѣ изображенія. Собраніе рисунковъ несомнѣнно крайне важно для исторіи искусства, ибо близко знакомитъ съ процессомъ творчества, игрою чувства и мысли художника. Иногда, къ сожалѣнію, конечная картина художника не представляетъ лучшаго

произведенія, уступая въ достоинствахъ первоначальному плану его или рисунку, который въ такомъ случаѣ получаетъ, конечно, первенствующее значеніе.

Въ послѣднее время, наконецъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ своего художественнаго образованія и знанія, какъ и свободныхъ матерьяльныхъ средствъ, Иванъ Евменіевичъ, для наилучшаго выполненія своей благой задачи—знакомства русской публики съ ея искусствомъ, рѣшилъ даже не ограничиваться одними рисунками, но и приобрѣсть, какъ дополненіе и ключъ къ нимъ, и небольшую коллекцію русскихъ картинъ—составить нѣчто въ родѣ „Хрестоматія живописи“. Для этого онъ выработалъ себѣ общій планъ будущаго коллекціонерства, т. е. опредѣлялъ, какіе художники должны считаться самыми крупными представителями своего времени и какимъ родомъ живописи, наиболѣе характернымъ, каждый изъ нихъ долженъ быть представленъ въ его небольшомъ собраніи картинъ и, наоборотъ, въ обширномъ собраніи русскихъ рисунковъ. Онъ началъ усердно отыскивать картины намѣченныхъ мастеровъ и сталъ настолько быстро пополнять свое собраніе, что его небольшой домикъ въ Кривоникольскомъ переулкѣ въ Москвѣ сдѣлался недостаточнымъ, чтобы вмѣстить собранное богатство. Онъ рѣшилъ построить новый домъ, въ которомъ удобно можно было бы размѣстить картины такъ, чтобы ихъ наилучшимъ образомъ видѣть при надлежащемъ освѣщеніи. Сравнительно небольшая часть отведена подъ жилище владѣльца дома или, какъ подшучивали пріятеля Ивана Евменіевича, для „сторожа“ и хранителя его драгоценнаго музея. Всю жизнь онъ оставался неизмѣнно скромнѣе въ своихъ требованіяхъ и привычкахъ ради высокой цѣли своей трудовой жизни.

Новый музей былъ воздвигнутъ въ красивомъ уголкѣ города на берегу Москвы-рѣки, близъ Кремля, или Храма-Спасителя, и внѣшній видъ съ его четырьмя фасадами былъ исполненъ по художественнымъ рисункамъ и указаніямъ извѣстнаго В. Н., Васнецова ¹⁾. Съ

---

¹⁾ Читателю моего очерка интересно будетъ узнать подробную исторію изъ устъ самого Цвѣткова возникновенія дома, нынѣ предоставленнаго, какъ Цвѣтковская Галерея, въ пользованіе общества: этотъ случай кстаті какъ нельзя лучше характеризуетъ вообще отношеніе моего друга ко всѣмъ задачамъ жизни, въ томъ числѣ и его служебной дѣятельности, объясняя, вмѣстѣ съ его даровитостью, необыкновенные его жизненные успѣхи, несмотря на то, что ему никакая бабушка не ворожила. „Когда мнѣ въ 1898 г. захотѣлось построить домъ въ древне-русскомъ стилѣ—сообщалъ мнѣ И. Е. Цвѣтковъ—„то, чтобы уяснить себѣ свое желаніе и найти желанную форму дома, я перечиталъ все, что извѣстно относительно древне-русской архитектуры, пересмотрѣлъ всѣ наданія, всѣ фотографіи съ древнихъ русскихъ

постройкой прекраснаго новаго зданія старая руководящая мысль, разумѣется, не была оставлена, но съ новой энергіей начала осуществляться все болѣе и болѣе. По сознанию И. Е. послѣдніе годы, съ этимъ новосельемъ, онъ „сталъ собирать картины и рисунки еще энергичнѣе, чѣмъ въ первыя двадцать лѣтъ, и былъ счастливѣе въ приобрѣтеніи рѣдкихъ хорошихъ вещей, чѣмъ прежде“.

Наконецъ насталъ торжественный день увѣнчать все дѣло жизни—передать плоды и результаты всѣхъ своихъ трудовъ обществу. Эта передача драгоценнаго собранія Цвѣтковской Галлерей въ общественное пользованіе города Москвы совершена была 28 апрѣля 1909 года въ день 64-ой годовщины рожденія творца Музея—И. Е. Цвѣткова. Изъ доклада при совершеніи этого акта щедрого пожертвованія и перечисленнаго въ немъ „Перечня“ дара, можно видѣть, что до момента поступленія въ общественное пользованіе „Цвѣтковская картинная галлерей“, какъ она должна была получить названіе, заключала въ себѣ до 300 картинъ масляными красками и около 1.200 т. н. рисунковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, единовременно съ художественнымъ собраніемъ, поступаетъ въ собственность Московской Думы, на извѣстныхъ условіяхъ, и само прекрасное зданіе, которое содержитъ нынѣ эту Галлерей. Иванъ Евменіевичъ оговорилъ лишь одно скромное желаніе, чтобы *пожизненно* домъ, доступный вмѣстѣ съ „Галлереей“ для всѣхъ интересующихся живописью, оставался въ его владѣніи. За это онъ обѣщаетъ оплачивать по самую свою смерть всѣ расходы по содержанію дома, ремонту и повинностямъ, на нее приходящимся.

Городская Комиссія по приему пожертвованія И. Е., разумѣется, съ чувствомъ горячей признательности приняла щедрый даръ въ собственность города съ присвоеніемъ ему на вѣчныя времена наименованія „Цвѣтковской галлерей“. Комиссія словами своего Предсѣдателя, сказанными во время приема этого дара, сдѣлала такую оцѣнку принятаго собранія художественныхъ предметовъ: „Оно представляетъ естественное продолженіе по времени собирательства произведеній національнаго искусства, начало которому положилъ П. М. Третьяковъ. Но главное богатство новой галлерей заключается, впрочемъ, въ огромномъ запасѣ рисунковъ, съ которыми и Третьяковская галлерей никакъ конкурировать не можетъ“...

зданій, осмотрѣлъ сохранившіеся остатки древнихъ зданій въ Москвѣ, нарочно ѣздилъ въ Ярославль, въ Ростовъ-Великій, потерялъ цѣлый годъ въ попыткахъ создать домъ желаемой формы, сначала при помощи одного профессора архитектуры, потомъ другого, пока не нашелъ искомой формы въ импровизированныхъ рисункахъ художника-живописца В. Н. Васнецова, этого вдохновеннаго любителя и знатока древне-русскаго вкуса“.

„Если въ масляныхъ картинахъ выражается готовое творчество художника, то въ рисункахъ, главнымъ образомъ, вы изучаете процессъ творчества, ту лабораторію, гдѣ все готовится и вырабатывается. Вы найдете тутъ проекты и детали извѣстѣйшихъ картинъ, ихъ варианты, вплоть до вполне законченныхъ эскизовъ, которые подчасъ гораздо интереснѣе самихъ картинъ. Цвѣтковское собраніе рисунковъ представляетъ такое сокровище, подобное которому ни подъ какимъ видомъ купить и составить болѣе нельзя“¹⁾.

Цвѣтковская галерея, какъ описываетъ ее одинъ наблюдатель, это—„настоящій храмъ искусства, строгій и стильный даже въ мелочахъ. Внѣшній видъ галереи строго выдержанъ въ древнерусскомъ стилѣ—настоящій теремъ..., много свѣта, высокіе потолки, комнаты съ люстрами, представляющими точную копію Новгородскихъ паникадилъ временъ Іоанна Грознаго... Музей уже давно переполненъ картинами, несмотря на то, что въ немъ двѣнадцать комнатъ“ („Русское Слово“ отъ 1 августа 1909 г. № 176)²⁾.

Я кончилъ мое „сказаніе“ о жизни и дѣяніяхъ этого замѣчательнаго русскаго человѣка. На первый обычный легкомысленный взглядъ, свойственный толпѣ, герой моего „сказанія“ какъ будто ничего чрезвычайнаго въ жизни не совершилъ. Онъ не оказалъ, напримѣръ, никакого подвига, не написалъ какой-либо извѣстной картины или книги, не сдѣлалъ того, что нѣмцы называютъ „Erochemachendes Werk“, но въ то же самое время Иванъ Евменіевичъ еще при своемъ существованіи своей дѣятельностью, примѣромъ и наконецъ созданіемъ галереи оставилъ уже крупный слѣдъ въ нашей русской жизни. Большинство лицъ, окружающихъ насъ, приобрѣтая матеріальныя средства, заботятся обыкновенно лишь увеличивать дальше ихъ размѣры или передать ближайшему потомству — дѣтямъ. И. Е. Цвѣтковъ не такъ поступилъ: онъ думалъ объ отдаленномъ потомствѣ, которое, приобрѣтая свѣдѣнія и знакомясь съ русскимъ искусствомъ въ его галереѣ, будетъ

¹⁾ Изъ рѣчи Н. П. Вишнякова, предсѣдателя комиссіи о „пользахъ и нуждахъ общественныхъ“ въ засѣданіи 5 мая 1909 года. Докладъ № 140. Москва.

²⁾ Принося галерею въ даръ городу Москвѣ, Цвѣтковъ, впрочемъ, оставилъ за собою право пользоваться галереєю какъ своею частною квартирою *пожизненно*; поэтому галерея *будетъ открыта для публики только послѣ смерти владѣльца*, когда она поступитъ въ завѣдываніе города и будетъ для того надлежащимъ образомъ приспособлена и снабжена комплектомъ необходимыхъ служащихъ.

съ благодарностью на многіе годы вспоминать его имя и гордиться имъ!

Я слишкомъ далекъ, по своему образованію и подготовкѣ, отъ прекраснаго искусства, которому служилъ половину своей жизни Цвѣтковъ, признанный (хотя и не будучи художникомъ) дѣйствительнымъ членомъ Академіи Художествъ. Я писалъ свою настоящую замѣтку объ его жизни и трудахъ какъ его старый другъ, руководимый чувствами искренней любви къ нему и уваженія и съ тѣмъ возможнымъ безпристрастіемъ, которое привычно мнѣ въ моихъ собственныхъ научныхъ трудахъ. Наилучшей наградой за настоящій мой маловажный очеркъ о И. Е. Цвѣтковѣ была бы надежда, что болѣе компетентное, нежели я, лицо, одинъ изъ нашихъ русскихъ художниковъ, повторилъ бы мой трудъ болѣе достойнымъ образомъ, познакомился бы съ собраніемъ Цвѣтковой галлерей и сдѣлалъ болѣе авторитетную оцѣнку заслугъ И. Е. Цвѣткова передъ русскимъ искусствомъ и косвенно, слѣдовательно, и наукой.

Иванъ Янжуль.

